

РЕЦЕНЗИИ

Ю. И. СЕМЕНОВ

НЕВЕЖДА И ШАРЛАТАН В РОЛИ УЧИТЕЛЯ МУДРОСТИ

(Гуревич П. С. Введение в философию:
Учебное пособие для учащихся 10–11 классов
средней школы. М., 1997. 400 с.)

Когда ограничиваешься лишь перелистыванием этой книги, то невольно поражаешься эрудиции автора – он знает буквально все, как когда-то говорилось: от палеолита до Главлита. Но когда начинаешь ее читать, то поражает уже совсем другое – обилие всевозможных нелепостей, грубых ошибок, включая множество фактических, всевозможных противоречий и алогизмов. Многие из них – следствие элементарного незнания. Невежество автора поистине энциклопедично: нет области, затронутой им, в которой бы оно не проявилось, не исключая, разумеется, философии. Итак, вот что пишет автор (А), и как обстоит в действительности (Д).

(А) О японской, китайской и индийской философии говорят, что они имеют более древние истоки, чем античная (с. 31). (Д) О японской философии никто такое не может говорить, ибо бесспорно, что цивилизация в Японии возникла намного позднее, чем в Греции, письменность там появилась, например, лишь в V в. н. э. (А) Правитель княжества Чжоу лишил престола богдыхана из династии Инь, после чего начались междоусобицы – наступила «эпоха воюющих царств», в которую появилась философия (VI в. до н. э.) (с. 40). (Д) Государство Инь пало в XI в. до н. э. На смену ему пришло царство Чжоу, которое распалось в VIII в., когда начался период Чуньцю, сменившийся в V в. периодом Чжаньго (Воюющих царств). (А) Зенон – итальянский философ (с. 50). (Д) Зенон – древнегреческий философ, который жил в той части современной Италии, которая в древности

именовалась Великой Грецией. (А) «Книга джунглей» Р. Киплинга – это романтический вымысел о Маугли (с. 68). (Д) В двух «Книгах джунглей» 14 рассказов, из которых лишь 8 о Маугли. (А) Трудовые пчелы убивают трутней, ибо быть трутнем может каждый (с. 70). (Д) Трутни – самцы. Рабочие пчелы бесполой и поэтому не могут стать трутнями. (А) Эллинизм – греко-римская философия в период от Александра Великого до падения Рима (с. 124). (Д) Эллинизм – эпоха от походов Александра Великого до 30 г. до н. э., когда Римом было завоевано последнее эллинистическое царство – Египет. (А) Английский физик Д. Бом (с. 139). (Д) Американский. (А) Чешский писатель Я. Гашек для раскрытия эпизода бомбежки города использовал фразу, взятую из газеты (с. 197). (Д) Не Я. Гашек, а К. Чапек, и это не строки из газеты, а творение автора – побасенка. Текст, конечно, дан автором по памяти и искажен. (А) Право – совокупность этических общественных ценностей (с. 308). (Д) Право – система юридических норм, на страже которых стоит государство. Автор просто спутал право с моралью. (А) Десять заповедей призывают любить не только бога, но и ближнего своего (с. 53). (Д) Такой призыв содержится не в Ветхом, а в Новом Завете. (А) Слою «поколение» происходит от латинского слова «зачатие» (с. 201). (Д) Это слово никакого отношения к латыни не имеет. (А) «Модель первобытного коллектива – ...деспотия избранных» (с. 304). (Д) В первобытном коллективе существовали социальное равенство, коллективистические отношения. (А) «Доистория – время, когда еще не началась история человечества» (с. 337), а началась она с появления письменных документов (с. 316). (Д) История человечества началась не 5 с небольшим тысяч лет тому назад, когда появилась письменность, а 1,6 млн лет тому назад. (А) Доистория – время, когда произошло становление человеческой природы (с. 316). (Д) Становление человека длилось до 35–40 тыс. лет тому назад. С этого времени существуют уже «готовый» человек и «готовое» общество.

Могут сказать, что человек не может и не обязан знать всего. Это, конечно, верно, но при том неременном условии, что он не

будет писать о том, что ему неизвестно. Если ты чего-то не знаешь, не пытайся этому учить.

А если берешься, то посмотри соответствующую литературу. Но наш автор пишет по принципу: слышал звон, да не знаю, где он. Зачем терять время на уточнения — оно, как известно, деньги. А народ у нас глуп — все сожрет. Так рассуждает не только автор, но и издатели, и работники Министерства общего и профессионального образования РФ, рекомендовавшие ее в качестве учебного пособия для школ. А почему в таком случае не похалтурить? И автор халтурит. Отсюда и необычайная неряшливость в формулировках, которая совершенно недопустима, особенно в учебных пособиях.

Автор, например, определяет цивилизацию как «следующую за варварством ступень культуры, которая приучает человека к плановым, упорядоченным, совместным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры» (с. 28). Определение цивилизации более чем нелепое. Но особо поражает, что автор одновременно объявляет цивилизацию и предпосылкой культуры (т. е. тем, без чего культуры нет), и следующей после варварства ступенью культуры. Выходит, что была культура до культуры. Автор с возмущением пишет об укоренившейся у нас мысли, что наука и демократия родились на Западе (с. 32). А разве это не так? Именно так, что в отношении науки признает и автор (с. 44). Вслед за рассказом о смерти Сократа автор пишет, что в это время Афины «все еще властвуют над всей Грецией» (с. 110–111). Афины никогда не господствовали над всей Грецией, у них всегда был грозный соперник — Спарта. А за пять лет до смерти Сократа они потерпели поражение в Пелопоннесской войне и капитулировали перед Спартой. На с. 6 автор утверждает, что натурфилософия началась тогда, когда философы начали обоготворять, одухотворять природу. Однако буквально тут же говорится, что были и такие натурфилософы, которые скептически относились к идее бога. Добавим, что многие натурфилософы были открытыми атеистами.

«Ганди заложил основы политики ненасилия... Британская корона была вынуждена по достоинству оценить такую последо-

вательно проведенную позицию и предоставить свободу Индии» (с. 364). Невозможно, конечно, отрицать значение М. Ганди в борьбе за достижение независимости Индии. Но англичане ушли из этой страны вовсе не потому, что прониклись духом уважения к пропагандируемой им идее ненасилия. Начиная с 1945 г. вся Индия бурлила: забастовки, демонстрации, а местами и вооруженные восстания. В начале 1946 г. произошли массовые антианглийские выступления в армии, флоте и авиации. Высшей точкой революционного подъема было восстание военных моряков в Бомбее (18–23 февраля), которое было поддержано почти всеми кораблями военно-морских сил в других портах Индии, а также всеобщей забастовкой солидарности рабочих Бомбея. У колонизаторов был выбор: либо согласиться на предоставление независимости Индии, либо быть вышвырнутыми из нее в результате грандиозного революционного взрыва.

Халтурное отношение к делу проявляется у автора во всем. Оно вкупе с невежеством – источник множества противоречий. С одной стороны, он уверяет, что в индийской культуре в отличие от европейской философское знание не персонифицировано, во многом анонимно (с. 37), а с другой – на той же самой странице сообщает, что «многие философские произведения индийской культуры все-таки не анонимны». На той же странице сообщается, что буддизм – это учение, которое проповедовалось ок. 560–480 гг. до н. э. Буддой («Пробужденным»), а на следующей (с. 38) говорится об индийском царевиче Сиддхартхе Гаутаме, жившем в 623–543 гг. до н. э. и получившем прозвище Будды («Умудренного», «Просветленного истиной»). Вот и остается школьнику гадать, идет ли здесь речь об одном и том же персонаже или двух разных. А для большей сумятицы на с. 282 приводятся еще одни даты рождения и смерти Будды – 556–476 гг. до н. э. Вот и гадай, что к чему.

На с. 70 утверждается, что стадо у животных существует только в экстремальной ситуации, а на с. 285 – что животные постоянно живут стадами и стаями. Неверно ни то, ни другое. Одни животные живут стадами, другие – нет. У одних стада существуют постоянно, у других скапливаются лишь в экстремаль-

ных ситуациях. Автор солидаризируется с Бердяевым, утверждавшим, что ошибочно выводить нравственность и ценность человека целиком из общества (с. 72). А четырьмя страницами выше (с. 68) он же доказывал, что только общество делает человека человеком.

Стремясь доказать, что в науке в отличие от искусства личность играет меньшую роль, ибо то или иное открытие рано или поздно будет сделано, автор ссылается на судьбу Э. Галуа. «Трагическая дуэль отняла у Галуа его открытия. Но она не сумела обокрасть математическую науку. Многие ученые пришли к тем же результатам» (с. 210). Но ведь он же сам несколькими строками выше сообщает, что перед дуэлью Э. Галуа изложил результаты своих исследований в записке, которую послал в академию наук. Дуэль отняла у Э. Галуа жизнь и возможность сделать новые открытия, но не те, которые им были уже сделаны. Они стали достоянием науки.

Но хуже всего, когда автор не сводит концы с концами в вопросе о начале философии. С одной стороны, он утверждает, что философия существовала всегда, во все эпохи (с. 14, 47), с другой – что она появилась лишь в I тысячелетии до н. э. в виде «типа философствования» в Индии и Китае и как «профессиональный род занятий» в Древней Греции. И напрасны его попытки пояснить, что в первом случае он имеет в виду философию как способность думать о вечных вопросах, о жизни и смерти и предназначении человека (с. 47), тем более что он сам же в другом месте утверждает, что «мы ничего не знаем о душе человека, который жил 20000 лет назад» (с. 316). Последнее утверждение неверно: кое-что наука знает и о духовном мире людей, живших даже 50 тысяч лет тому назад. Но совершенно определенно наука знает, что вечные проблемы встали перед человеком не раньше, чем возникла цивилизация.

Не все нелепости можно объяснить лишь невежеством и склонностью к халтуре. Во многих случаях автор не просто заблуждается, а намеренно вводит читателя в заблуждение. Марк Твен, уверяет он, в своей статье высмеивает эволюционизм (с. 162). А на самом деле, как это видно и из текста, и названия статьи («Был ли мир сотворен для человека?»), в ней высмеивается религиозное учение о сотворении мира богом. Но самое забав-

ное, что автор сам же 15 страницами ниже характеризует эту статью как безбожную (с. 177). Русская философия, утверждает он, была пропитана христианским сознанием, поэтому, когда говорят о ней, то добавляют эпитет «религиозная» (с. 56). Но ведь русскими философами были и А. И. Герцен, и Н. Г. Чернышевский, и многие другие мыслители-атеисты. Русская религиозная философия, возникшая на грани XIX–XX вв., – всего лишь одно из течений философской мысли России, кстати, никогда, исключая наше время, не пользовавшееся особой популярностью.

Автор особенно часто искажает истину тогда, когда он обращается к вопросам религии и мистики. «В текстах Ветхого Завета насилие рассматривается как отрицательное, жизнеразрушающее начало. Народ Израиля осуждал агрессию извне. Однако не призывал к ответным действиям, которые могли бы быть возмездием», ибо придерживался совсем иного принципа – талиона (с. 36). Все, кто читал Ветхий Завет, знают, что он буквально переполнен призывами к беспощадному истреблению других народов. Достаточно привести наказ бога, переданный через Самуила царю Саулу: «Теперь иди и порази Амалика (амаликитян. – Ю. С.), и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца...» (1-я книга Царств, глава 15, с. 3). Ведь недаром же Ветхий Завет своей кровожадностью вызывал у Л. Н. Толстого отвращение. Ну а то, что автор никак не может понять, что талион есть не что иное, как принцип возмездия, просто выходит за пределы объяснимого.

Выступая в защиту религии, автор объявляет, что существуют абсолютно достоверные факты, которые могут по-разному интерпретироваться, но которые сами по себе не подлежат никакому сомнению. Эти факты: (1) Бог передал Моисею нравственные заповеди, (2) Христос был богочеловеком, который умер и воскрес. Эти факты, уверяет автор, совершенно определенно знает история, существуют неопровержимые исторические их свидетельства (с. 85–86). На деле же не существует никаких неопровержимых исторических свидетельств даже существования самого Моисея, не говоря уже о его контактах с богом. Историческая наука абсолютно ничего не знает о богочеловеке Иисусе Христе и его воскресении после смерти. Она не располагает

никакими достоверными данными даже о жизни и смерти человека по имени Иисус и прозвищу Христос. Ни один из его современников ничего не писал о нем. Евангелия, которые появились не раньше 70 г. и авторы которых заведомо не были знакомы с реальным Иисусом, ни в коем случае не являются документальными повествованиями о его жизни (это признает и автор книги – с. 378–379). Единственное относящееся к I в. упоминание об Иисусе в нехристианской литературе можно при желании усмотреть лишь в труде Иосифа Флавия «Иудейские древности», написанном в последней трети I в.

Хотя в книге есть целый раздел, посвященный религии, автор, как мы уже видели, полный профан в этой области. Добавим еще штрих. По его мнению, первоначальной формой религии был монотеизм. Вообще эта точка зрения не нова, но автор толкует ее более чем оригинально. Первоначальный монотеизм – поклонение родоначальнику. Не будем говорить уже о том, что у немалого числа народов род был беспредковым. Но везде, где был культ предков, предки не рассматривались как боги. Культ предков мог перерасти в культ богов, но это всегда позднее явление. Допустим, что автор прав. Но ведь родов-то было много, а следовательно, было и много родоначальников. Какой уж тут монотеизм!

Но все же главный объект любви автора – мистика, которую он рассматривает как нечто качественно отличное от религии. К мистике он обращается на протяжении всей книги. Ее он характеризует как совершеннейший способ познания мира, во многом превосходящий науку и далеко опередивший ее. Мистики в своих прозрениях давно уже открыли то, к чему наука пришла только сейчас. «Новейшие открытия физиков, – читаем мы, – создают такую естественнонаучную картину мира, которая весьма похожа на откровения древних мистиков» (с. 139). Было бы, конечно, хорошо, если бы автор аргументировал все эти положения. Но единственное доказательство – ссылка на мнения некоторых ученых. Но это ровным счетом ничего не доказывает. Ученые, как и обычные люди, могут говорить любые глупости (ведь, например, до сих пор есть и такие, которые отвергают теорию относительности), но к науке это никакого отношения не имеет.

Автор всячески стремится уверить, что последние научные открытия доказали, что материя неотличима от разума, а значит, правы не материалисты, а идеалисты. Метод доказательств тот же – ссылка не на факты, а на авторитеты (с. 140–142). Но, говоря о согласии науки с мистикой и религией, автор в то же время предусмотрительно заявляет, что нельзя мистику обсуждать с позиций здравого смысла, а религию судить по меркам науки (с. 93). И он тут прав, ибо при этом неизбежно выяснится, что мистика не совместима со здравым смыслом, а наука – с религией.

Люди еще не целиком лишены здравого смысла, что очень огорчает автора. Ведь именно это обстоятельство, а вовсе не то, что милые его сердцу духовные традиции представлены «в предельно упрощенном виде», «вызывает резкую критику в печати, рождает общее негативное отношение к нарастающей мистической волне» (с. 390).

К науке автор благосклонен лишь тогда, когда пытается (причем совершенно безуспешно) заручиться ее поддержкой в борьбе со здравым смыслом и материализмом. Он говорит об экспериментальной обоснованности идеи бессмертия души (с. 189) и подтверждении идеи реинкарнации (переселения душ) (с. 216–226) и даже умудряется приписать ученым взгляд, что китайцы в древности получали информацию от мертвецов (с. 39). Во всех случаях, когда науку приспособить к своим нуждам никак не удастся, он с ней упорно борется. Это наглядно видно на примере с дарвинизмом.

Мы узнаем, что Ч. Дарвин доказал, что человек как природное существо отличается исключительным совершенством, и тем самым на материале науки подтвердил религиозный взгляд на человека как на «венец божий» (с. 89). Ну, во-первых, Дарвин никогда ничего подобного не утверждал, а во-вторых, возникает вопрос, почему его учение встретило в те годы враждебное отношение со стороны церковников, а правоверные православные до сих пор видят в нем злейшего врага.

Ответ на последний вопрос мы в книге все же находим. Дарвин доказал, что человек произошел от обезьяны, и тем разрушил библейское воззрение о сотворении человека богом (с. 246). И вот этого автор простить Дарвину не может. Несколько страниц он посвящает опровержению эволюционного учения. И к

каким только приемам он ни прибегает. Тут и ссылки на авторитет «русских космистов», которые, конечно, ничего не изучали и никаких научных открытий не сделали, но в результате свободного творчества пришли к идее о существовании некой одухотворяющей силы. И вот теперь развитие новейшей физики (почему именно физики?) подтвердило их правоту и опровергло Дарвина (с. 90–91). Подробности, конечно, не приводятся: физика опровергла, и basta – верь на слово. Тут и утверждение, что когда философы занялись изучением человека как биологического вида, то вскрыли его биологическое несовершенство и тем опять-таки опровергли Дарвина (с. 248). Изучением человека как биологического вида занимаются вовсе не философы, а специалисты-антропологи, и то, что автор называет биологическим несовершенством человека, давно уже было им известно. Философам открывать здесь было совершенно нечего. А в целом автор применил здесь давно известный полемический прием: приписав Дарвину то, чего он никогда не утверждал, опроверг это, а затем на этом основании заявил об опровержении теории Дарвина.

Забавно, как автор опровергает учение Дарвина о борьбе за существование: когда животные дерутся, то они чаще всего принимают угрожающие позы, но до истребления противника дело не доходит (с. 247). Почему бы ему тогда не заявить, что раз растения вообще не дерутся, то, следовательно, теория эволюции к растительному миру не может иметь никакого отношения. Автор даже не удосужился попытаться понять, какой смысл вкладывают эволюционисты в понятие борьбы за существование. Но это не помешало ему торжественно объявить, что учение Дарвина об эволюции видов нелепо (с. 248).

Я уже говорил, что невежество автора поистине энциклопедично. Естественно, оно проявилось и в изложении философских учений. К уже сказанному добавим, что он умудрился исказить взгляды и Фалеса, и Гераклита (с. 235–238). Неверно изложено им и учение Аристотеля о типах государственного устройства (с. 293–295). У Аристотеля не четыре (монархия, аристократия, тирания, демократия), а шесть (царская власть, аристократия, полития, тирания, олигархия, демократия) форм государственного устройства; демократия у него не самая низшая фор-

ма, а просто одна из трех неправильных форм. Аристотель не пользовался термином «охлократия» и соответственно не утверждал, что охлократия есть вырожденная демократия. Демократия у него есть отклонение от политики.

Но, искажая взгляды настоящих философов, автор всячески прославляет и рекламирует всевозможные мистические и иные бредовые произведения (Э. Сведенборга, Р. Штейнера, Н. Ф. Федорова, Н. Рериха, Д. Л. Андреева, Л. Н. Гумилева), не исключая сочинений прямых шарлатанов и жуликов (М. Нострадамуса, Е. Блаватской, Р. Моуди, К. Кастанеды). Не знаю, верит ли сам автор в пророчества, ясновидение и тому подобную чертовщину, но он упорно стремится внедрить эту веру в души читателей.

Вообще нет ни одного вида мракобесия, которое бы не удостоилось восторженных похвал со стороны автора. У него нет ни малейшего сомнения в способностях экстрасенсов. Величайшее почтение вызывает у него астрология (с. 81), которую он определяет как «учение о звездах, толкование звезд» (с. 251). В действительности астрология всегда была разновидностью гадательной магии – гаданием, но только не по кофейной гуще, внутренностям животных, картам и т. п., как иные формы мантики, а по звездам. Восхищение вызывает у него и алхимия. «Химики, – пишет он, – высказывают предположение, что их наука – ответвление утраченной алхимической мудрости», (с. 81). То, что фактические данные, собранные алхимиками, легли в основу химии, общеизвестно, но ни о какой утраченной алхимической мудрости, которая могла бы представлять ценность для современной науки, говорить не приходится.

Своеобразно рисует П. С. Гуревич и современное состояние умов. С одной стороны, мы узнаем, что миллионы людей испытывают потребность в религиозной жизни, что в нашей стране идет процесс религиозного возрождения (с. 370). А с другой – мы читаем в книге, что никакого подлинного религиозного возрождения в нашей стране не было и нет, что большинство людей как были атеистами, так по существу и остались ими (с. 386–387).

Перечислить все нелепости, ошибки и алогизмы, содержащиеся в книге, невозможно. Она в этом отношении неисчерпаема, как атом. Но дело не просто в них. Беда в том, что книга не

дает никакого целостного представления о философии. В ней есть разделы, которые никакого отношения к философии не имеют (например, тема IX. «Бессознательное»). В разделе VIII «Теория познания» есть все что угодно, но только не теория познания. Ничего не сказано о философии как общем методе познания. И это понятно. Ведь автор и религию, и мистику рассматривает как формы познания, но к ним никакой метод познания, включая философский, абсолютно не применим. Все дело в том, что и в том, и другом случае мы не имеем дело с познанием реальности.

Даже о той области, в которой автор считает себя специалистом, – «философской антропологии», он ничего толкового сказать не может. Он пишет о том, что в этой сфере сделаны величайшие открытия, которые «потрясают»: «что ни сообщение, то сенсация» (с. 260). Но несмотря на всю страсть к сенсациям, которая проявляется во всей книге, автор ничего ни великого, ни потрясающего привести в этом разделе не может, не считая явных банальностей или очевидных нелепостей.

Книга П. С. Гуревича насквозь эклектична, у него есть все: есть и конституция и севрюжина с хреном. О чем бы он ни писал, везде всевозможные оговорки, чтобы можно было истолковать и так и сяк и тем самым в случае нужды оправдаться. Но через всю неразбериху и путаницу везде пробивает дорогу одна тенденция: воспевание мистики, религии, иррационализма, всех видов мракобесия и чертовщины и, как следствие, атака на здравый смысл и науку. В общем и целом, ее можно охарактеризовать как ахинею, что, как любезно объясняет автор, означает «полный бред» (с. 103).

И материалы книги помогают понять, из чего автор исходил при ее написании. Как он сообщает, в основе экономики всегда лежит понимание человеком своей выгоды (с. 260). Это, конечно, неверно, ибо существуют разные типы экономик, и в некоторых из них мотив выгоды не действует. Но в той, которая у нас возникает, дело обстоит именно так. Далее автор пишет, что «власти в наши дни убеждены, что назначение философии именно в том, чтобы обслуживать каждый изгиб конъюнктурной политики. Интеллектуальная честность и независимость редко привлекают сторонников» (с. 21). А одно из требований нынеш-

ней власти, как известно, – всемерно способствовать насаждению религии, прежде всего православия. И наконец: сейчас «религиозная мода захлестнула все» (с. 386). Понятно, что если в учебной книге по философии будет то, что нужно начальству и отвечает моде, то автору простят все, включая халтуру. Издание ее, а тем самым выгода автора гарантированы.

Автор уделяет в учебнике большое место саморекламе. Нам сообщается, что П. С. Гуревич – действительный член Нью-Йоркской академии наук, читал лекции в Принстонском университете, бывал в университете Нотр-Дам, работал с самим С. Грофом, бывал в Египте и т. п. Автор везде подчеркивает, что он является философом, причем далеко не рядовым. Бесспорно, что автор – доктор философских наук, преподает философию. Но это отнюдь не означает, что он является философом. Любый настоящий философ всегда обладает целостной системой собственных взглядов, которую он не боится излагать и отстаивать. А наш автор? В одном месте книги, характеризуя создавшуюся в стране ситуацию, он пишет: «Там гнездились воинствующее безбожие, теперь трактуют Священное Писание. Кафедры устранения суеверий и мифов превратились в центры теологической мысли. Сокрушители святых обернулись ревнителями богоугодной проповеди» (с. 386). Автор пишет об этом с явной иронией, что не очень гармонирует с другими местами его книги, в частности с теми, где он призывает всемерно внедрять религию в массы (с. 388–390). Но к этому нам не привыкать: он везде таков. Хочется лишь узнать, не забыл ли П. С. Гуревич о том, что всего каких-то 14 лет тому назад он громил мистику и разоблачал своих нынешних кумиров, в частности Р. Моуди. «...Миллионы людей, – писал он в книге «Возрожден ли мистицизм?» (М., 1984. С. 3–4), – охвачены мистическим безрассудством... Они воскрешают впечатления загробного мира по исповедям тех, кто пережил состояние клинической смерти... Они чувствуют бакалавров черной магии и хиромантии. Они толкуют о союзе науки и магии, о непостижимом прорыве души в космос... Сегодня даже многие уважаемые ученые на Западе захвачены модным веянием. Они обстоятельно обсуждают вопрос о магии чисел, о фантастической ауре о сотворении жизни на Земле».

Так когда же он был искренен: тогда или сейчас? Или, может быть, он, как говорили когда-то, «перековался»? Во всяком случае, человек, действующий по принципу «чего изволите?», принадлежащий, как когда-то говорили, к партии КВД (Куда Ветер Дует), не имеет права называться философом. И, конечно, такой человек научить философии и вообще чему-нибудь хорошему заведомо не может. Не может разбудить чужую мысль тот, кто не имеет собственной. И то, что написанное им учебное пособие по философии никуда не годится, совершенно не случайно. Другую книгу он написать просто не смог бы.

Автор в книге дважды обращается к совести и дает два разных ее определения (с. 366) и оба раза совершенно неверные, ибо в них отсутствует главное – указание на то, что совесть есть внутренний суд человека над самим собой. Совесть для него – terra incognita. Впрочем, автору совершенно не в чем упрекнуть самого себя. Никакого греха за ним не числится. Ведь «грех», как он определяет, «поступок вопреки воле, порядку и намерениям Бога» (с. 365). А книгу он написал явно по своей собственной воле для того, чтобы услужить порядку, то бишь начальству, и заодно богу. Так что перед нами безусловный праведник...

ВЫШЕДШАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ФИЛОСОФИИ

1. **Кемеров В. Е.** Введение в социальную философию. М., 1996.

Автор книги предлагает читателю популярное изложение социальной философии гуманитарного направления, рассматривающей структуры социального бытия как формы самореализации человеческих индивидов.

Книга рассчитана на студентов гуманитарных специальностей.

2. **Ерасов Б. С.** Социальная культурология. М., 1997.

Основная цель работы: раскрыть содержание и принципы духовной деятельности как важного компонента социальной регуляции наряду с экономической, политической и социальными отношениями.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей философских специальностей.

3. **Лурье С. В.** Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М. 1997.

В книге подробно изложена история психологической антропологии (этнопсихологии), культурологии, этнической экологии, традициологии в России и за рубежом.

Для студентов-гуманитариев

4. **Губман Б. Л.** Западная культура XX века. Тверь, 1997.

Книга представляет собой популярное введение в западную философию культуры.

Рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей исторических и философских специальностей.